

V

Кити и правда многого ждала от этого бала. Именно теперь, когда Вронский встретил мать, которую он ждал, всё должно решиться. И Кити блистала. Платье сидело великолепно, в обнажённых плечах и руках Кити блестела холодная мраморность. Глаза горели, и румяные губы не могли не улыбаться от сознания своей привлекательности. Кити увидела прелестную фигуру и голову Анны. Она была проста, естественна, изящна и вместе весела и оживленна.

И Вронский был тут. Кити не видела его с того вечера, когда она отказала Левину. Вронский подошёл к Кити и пригласил на вальс. Она посмотрела на его лицо, которое было на таком близком расстоянии. Её взгляд был полон любви. Но долгие годы потом этот взгляд, на который он ей не ответил, мучительным стыдом будет резать её сердце... Они прошли несколько туров вальса. После вальса он пришёл за ней для первой кадрили. Во время кадрили ничего значительного не было сказано. Но Кити и не ожидала большего от кадрили. Она с замиранием сердца ждала мазурки. Ей казалось, что в мазурке всё должно решиться. Весь бал был для Кити волшебным сновидением радостных цветов, звуков и движений.

Вдруг она увидела Вронского с Анной. Они говорили, и в её глазах горел радостный блеск, и улыбка счастья изгибала её румяные губы. Кити посмотрела на него и ужаснулась. То, что Кити заметила в лице Анны, она увидела и на его лице. Весь бал, весь свет, всё закрылось туманом в душе Кити. Она поняла, что Каренина и Вронский в этом полном зале чувствовали себя наедине. И на лице Вронского, всегда твёрдом и независимом, она увидела поразившее её выражение потерянности и покорности, похожее на выражение умной собаки, когда она виновата. Анна улыбалась, и улыбка передавалась ему. Какая-то сверхъестественная сила притягивала глаза Кити к лицу Анны. Она была прелестна, но было что-то ужасное и жестокое в её прелести. Кити чувствовала себя раздавленной, и лицо её выражало это. Когда Вронский увидел её, столкнувшись с ней в мазурке, он вдруг не узнал её – так она изменилась.

Анна не осталась ужинать и уехала. Рано утром она послала мужу телеграмму о своём выезде из Москвы в тот же день. Долли показалось, что Анна не в духе. После обеда Анна пошла одеваться в свою комнату, и Долли пошла за ней.

– Какая ты нынче странная! – сказала ей Долли.

– Я? Эх, бывает со мной. Мне хочется плакать. Это очень глупо, но это происходит. Мне из Петербурга не хотелось уезжать, а теперь отсюда не хочется.

Sloveso **сидеть** se často používá ve vztahu k oblečení a má při tom význam *padnout*:

Платье сидело великолепно.

Šaty jí skvěle padly.

Эта юбка на тебе плохо сидит.

Ta sukně ti nesedí.

Быть не в духе (*fraz.*) – mít špatnou náladu

V

Kitty skutečně očekávala od tohoto plesu hodně. Právě teď, když Vronskij vyzvedl matku, na kterou čekal, se vše musí rozhodnout. Kitty zářila. Šaty jí skvěle padly a na obnažených ramenech a rukách se jí leskla chladná mramorovost. Oči jí zářily a rudé rty se při vědomí vlastní přitažlivosti nemohly neusmívat. Kitty uviděla Anninu půvabnou postavu a hlavu. Byla prostá, přirozená, elegantní a zároveň veselá a živá.

Vronskij tady byl také. Kitty ho neviděla od toho večera, kdy odmítla Levina. Vronskij přistoupil ke Kitty a požádal ji o valčík. Podívala se mu do tváře, která byla tak blízko. Její pohled byl plný lásky. Avšak na dlouhá léta poté ji bude tento pohled, na který nereagoval, mučivým studem řezat v srdci... Odtančili několik valčíků. Po valčíku za ní přišel pro první čtverylku. Během čtverylky nebylo řečeno nic podstatného. Kitty však od čtverylky nic víc nečekala. Se zatajeným dechem čekala na mazurku. Zdálo se jí, že se při mazurce musí všechno vyřešit. Celý ples byl pro Kitty kouzelným snem radostných květů, zvuků a pohybů.

Najednou uviděla Vronského s Annou. Bavili se spolu. Oči jí hořely radostí a rty vlnil šťastný úsměv. Kitty se na něho podívala a zhrozila se. To, čeho si všimla na Annině výrazu, zahlédla i v jeho tváři. Celý ples, celý svět, vše se v Kittině duši zahalilo mlhou. Pochopila, že Karenina a Vronskij se v plném sále cítili sami. Omráčilo ji, že ve vždy tvrdém a nezávislém obličejí Vronského uviděla tápající a pokorný výraz, podobající se výrazu chytrého psa, když něco provede. Anna se usmála, což i u něj vyvolalo úsměv. Nějaká nadpřirozená síla přitahovala Kittin pohled k obličejí Anny. Byla překrásná, bylo však něco děsivého a tvrdého v jejím půvabu. Kitty se cítila rozdrčená, což vystihoval i její výraz. V okamžiku, kdy ji Vronskij spatřil, když na sebe narazili při mazurce, najednou ji nepoznal – tolik se změnila.

Anna nezůstala na večeri a odjela. Brzy ráno poslala manželovi telegram o svém odjezdu z Moskvy toho dne. Dolly se zdálo, že Anna není ve své kůži. Po obědě se Anna odešla obléknout do svého pokoje a Dolly šla za ní.

„Jaká jsi dnes nějaká divná!“ řekla jí Dolly.

„Já? Ach, to se mi stává. Chce se mi plakat. Je to velmi hloupé, ale to přejde. Nechtělo se mi odjíždět z Petěrburgu a teď se mi nechce odsud.“

V ruštině se velice často používají **modální konstrukce** *хочется* (komu čto) nebo zdvořilejší *хотелось бы* (komu čto), které vyjadřují potřebu, chtění:

Мне хочется плакать.

Chce se mi plakat.

Мне хотелось бы быть с вами всегда.

Chtěl bych být vždy s vámi.

Но Каренина, не дожидаясь брата, решительным лёгким шагом
вышла из вагона.

Каренина и Вронский в этом полном зале чувствовали себя наедине.

Анна посмотрела на неё мокрыми от слёз глазами.

– Как хорошо, что ты приехала, Анна! Без тебя бог знает что бы было! – сказала Долли.

– Нет! Ты знаешь, отчего я еду нынче, а не завтра? – сказала Анна, решительно откидываясь на кресле и глядя прямо в глаза Долли. – Вчера я всё испортила для Кити. Я была причиной того, что этот бал стал для неё мученьем, а не радостью. Но я не виновата!

Анна чувствовала волнение при мысли о Вронском и уезжала скорее, чем хотела, только для того, чтобы больше не встречаться с ним.

– Анна, а я не очень желаю для моей любимой сестры этого брака. И лучше, чтобы этого брака не было, если он, Вронский, мог влюбиться в тебя в один день, – сказала Долли.

Анна попрощалась с братом и его женой и подумала, что завтра увидит Серёжу и Алексея Александровича, и опять её жизнь потечёт по-старому.

Поезд тронулся. Анна откинулась на спинку кресла. Она перебирала все свои московские воспоминания. Все были хорошие, приятные. Вспомнила бал, вспомнила Вронского и его влюблённое покорное лицо, вспомнила все свои отношения с ним: ничего не было стыдного.

Поезд остановился на незнакомой станции. Анна накинула пелерину и вышла на воздух. Страшная буря рвалась и свистела между колесами вагонов. Она вдохнула свежий морозный воздух и уже хотела войти в вагон, но дорогу ей перегородил какой-то человек. Она в ту же минуту узнала Вронского. Она долго смотрела на него. Это было опять то же выражение почтительного восхищения, которое так подействовало на неё вчера.

– Я не знала, что вы едете. Зачем вы едете? – сказала она. И неудержимая радость и оживление сияли на её лице.

– Зачем я еду? – повторил он, глядя ей прямо в глаза. – Я еду для того, чтобы быть там, где вы, я не могу иначе.

Он сказал именно то, чего желала её душа, но чего она боялась. Она ничего не ответила.

– Простите меня, если вам неприятно то, что я сказал, – заговорил он покорно.

– Это дурно, что вы говорите, и я прошу вас, забудьте, что вы сказали, и я забуду, – сказала она наконец.

– Ни одного вашего слова, ни одного вашего движения я не забуду никогда...

– Довольно, довольно! – вскрикнула она и быстро вошла в вагон. Только к утру Анна задремала, и когда проснулась, то уже было светло, и поезд подходил к Петербургу.

Пелеріна – krátký, většinou ani do pasu nesahající přehoz přes ramena, někdy s kapucí; límeček v podobě takového přehozu

Anna se na ni podívala usazenými očima.

„Jak je dobře, že jsi přijela, Anno! Bůh ví, co by bez tebe bylo!“ řekla Dolly.

„Ne! Víš, proč jedu nyní a nikoliv zítra?“ řekla Anna a rázně se zaklonila v křesle, dívajíc se Dolly přímo do očí. „Včera jsem Kitty všechno pokazila. Zapříchla jsem, že ten ples byl pro ni utrpením, nikoli radostí. Nemohu však za to!“

Anny se při pomýšlení na Vronského zmocňoval neklid a odjížděla rychleji, než chtěla, jenom proto, aby se s ním již více nesetkala.

„Anno, osobně si tento sňatek pro mou milovanou sestru moc nepřeji. A bylo by lepší, kdyby k němu nedošlo, pokud se Vronskij dokázal do tebe zamilovat za jediný den,“ řekla Dolly.

Anna se rozloučila s bratrem a jeho manželkou a pomyslela na to, že zítra uvidí Serjožu a Alexeje Alexandoviče a její život poplyne jako dřív.

Vlak se rozjel. Anna se opřela zády do křesla. Probrala si všechny své moskevské vzpomínky. Všechny byly dobré, příjemné. Vzpomněla si na bál, vzpomněla si na Vronského a jeho zamilovaný pokorný obličej, vzpomněla si na všechny jejich vzájemné vztahy: nebylo nic, za co by se měla stydět.

Vlak se zastavil na neznámé stanici. Anna si přehodila přes ramena pelerínu a vyšla na vzduch. Strašlivá bouřka se drala a svištěla mezi koly vagónů. Nadechla se čerstvého mrazivého vzduchu a už už chtěla nastoupit do vozu, ale cestu jí zastoupil jakýsi člověk. Okamžitě poznala Vronského. Dlouho se na něho dívala. Opět to byl ten výraz uctivého obdivu, který na ni včera tolik zapůsobil.

„Nevěděla jsem, že jedete. Proč jedete?“ řekla. Na tváři jí zářila nezadržitelná radost a vzrušení.

„Proč jedu?“ zopakoval a díval se jí přímo do očí. „Jedu proto, abych byl tam, kde budete vy, nemohu jinak.“

Řekl přesně to, co si v duši přála a čeho se zároveň obávala. Neodpověděla.

„Odpusťte mi, pokud vám nebylo příjemné, co jsem řekl,“ pokorně promluvil.

„Je špatné, co říkáte. Prosím vás, zapomeňte na to, co jste řekl, a já také,“ promluvila konečně.

„Ani jediné vaše slovo, ani jeden váš pohyb, nikdy nezapomenu...“

„Už dost!“ zvolala a rychle nastoupila do vozu.

Anna usnula až k ránu, a když se probudila, bylo už světlo a vlak přijížděl do Petěrburgu.

Odlišné slovesné vazby:

вспомнить кого/что

vzpomenout si na koho/co

забыть кого/что

zapomenout na koho/co